

К.В.Черепанов¹ , А.С.Уалтаева^{1*} , А.С.Маргулан² , Н.Б.Дуйсембаева³

¹ Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК
Алматы, 050000, Республика Казахстан

² Казахского национального университета имени аль-Фараби МНВО РК
Алматы, 050000, Республика Казахстан

³ Музей РГП на ПХВ «Ғылым ордасы»

*e-mail: altyn.lazzat@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАЗАХСТАНА 1930-Х ГГ. ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО КОМПОЗИТОРА Е.Г. БРУСИЛОВСКОГО

Аннотация

Авторы статьи рассматривают повседневность городской жизни Казахстана в важный промежуток истории казахской советской автономии (1930-е гг.). Цель исследования – показать значимость мемуаров Евгения Григорьевича Брусиловского как источника по истории повседневности советского Казахстана 1930-х гг. и исследовать городскую жизнь регионов Казахстана в изменяющихся исторических событиях того периода в ретроспективном анализе. Научной основой воссоздания действительности 1930-х гг. и ее характеристики стали мемуарные записи советского, казахстанского композитора и деятеля искусств Е.Г. Брусиловского, который являлся крупнейшим деятелем культуры и искусств республики и активно интересовался политической жизнью. При этом мемуары композитора проливают свет на многие аспекты и детали обыденной, повседневной жизни городов республики и их жителей. Авторы опирались на генеалогический метод М. Фуко и использовали специальные исторические методы: сравнительный анализ, историко-типологический, проблемно-хронологический, историко-систематический. На основе историографического анализа трудов американских, европейских, отечественных и российских ученых, имеющих важное концептуальное значение, выявлен и систематизирован их научный вклад в изучение повседневных социально-экономических процессов как городского, так и сельского жителя. При изучении объекта исследования особую роль сыграли общетеоретические работы по повседневной истории Ф. Броделя и А. Людке. Методологические подходы к изучению человека в обществе и общества через переживания и рефлексию человека нашли отражение в работах российских ученых. Полученные научные результаты позволили не только определить качество и значение мемуаров Е.Г. Брусиловского как источника, но и вводятся в научный оборот новые материалы по городской повседневности Казахстана 1930-х гг.

Ключевые слова: СССР, Казахстан, Алма-Ата, Е.Г. Брусиловский, культура и искусство, городская повседневность, И.В. Сталин.

Введение

Воспоминания Евгения Григорьевича Брусиловского - замечательный образец мемуарной литературы периода развития СССР первых двух десятилетий его существования. Родившийся еще в царской империи, в 1905 г., он был вполне осознающим очевидцем ее крушения в результате революции 1917 г. и становления новой, советской формы российской государственности. С ранних лет, благодаря своим родителям и родным, погруженный в мир музыки, он смог состояться как крупнейший представитель культуры и искусства СССР, основатель инструментального, оперного и симфонического жанров музыкального искусства Казахской ССР. Смерть композитора в 1981 г. пришлась на время апогея так называемого «застоя», который одновременно оказался и апогеем развития всей советской, социалистической государственности. Признавая все заслуги Е.Г. Брусиловского перед казахской культурой и искусством, отдавая ему должное, хотелось бы обратить внимание на другую сторону его наследия – это мемуарные записи, отразившие обстоятельства личной жизни и деятельности выдающегося деятеля советской культуры и искусства на фоне всего исторического и драматического развития советской страны. При его активном личном и деятельном участии шел процесс становления казахского оперного искусства, искусства обработки и аранжировки народных песен и напевов – кюев,

казахского балета. В своих мемуарах Евгений Григорьевич с большим уважением и душевной теплотой вспоминал о многочисленных встречах и творческих контактах с видными казахскими государственными и общественными деятелями, писателями, актерами, музыкантами: Жургеневым Т.К., Жубановым К.К., Ауэзовым М.О., Жубановым А.К., Камаловым С.К., Мусреповым Г.М., Сейфуллиным С.С., Жансугуровым И.Ж., Кузнецовым П.Н., Верховским Н.А., Байсеитовым К.К., Байсеитовой К.Ж. Многие из них не перенесли суровую годину «большого террора», а значит, любые свидетельства и эпизоды из их жизни, часто с интимными и пронзительно повседневно-бытовыми деталями, приобретают дополнительную ценность и важность.

Материалы и методы исследования

Данное исследование находится на стыке различных социально-гуманитарных дисциплин (истории, социологии, антропологии, культурологии, философии, экономики), что делает возможным и творчески перспективным использование методов и способов постижения социально-исторической действительности и получения нового знания, характерных для социологических практик и исследований. Принцип меж(транс)дисциплинарности и принцип методологического плюрализма П.Фейерабенда [1], который не предполагает, вопреки распространенному представлению, отказ от методов как способов познания действительности, но допускает и приветствует их множественность и целевую равнозначность.

Видный французский мыслитель, политолог, социолог, историк и философ Мишель Фуко, на основополагающие конструкции которого теперь просто уже нельзя не ссылаться, когда речь идет о сущности личности, субъекта в историческом контексте, считал историчность человеческого сознания в качестве глубинной характеристики любой эпохи, которая обычно не осознаётся самим человеком, является для него обыденностью, повседневностью.

По мнению М. Фуко [2], человеческий субъект не представляет собой некую изначальную данность, совершаемые им действия и смыслы, привносимые им в мир, социально детерминированы. Полный смысл его бытия и предназначения, при таком подходе к пониманию природы человека, удастся раскрыть только при кропотливом изучении окружавшей его действительности и принимая во внимание всю сложность, специфичность и многомерность обстоятельств его жизни. Транспарентальна при таком подходе и сама личность человека, через сложности и перипетии которой раскрывается историческое содержание переживаемого времени.

В статье использовались разнообразные специальные исторические методы анализа, историко-типологический, системного анализа как историографического и источникового анализа трудов ученых Соединенных Штатов Америки, западноевропейских и особенно российских исследователей, вклад которых в изучение повседневных процессов как городского, так и сельского жителя имел важное концептуальное значение. При изучении объекта исследования особую роль сыграли общетеоретические работы по повседневной истории Ф. Броделя [3] и А. Лютке [4]. Методологические подходы к изучению человека в обществе и общества через переживания и рефлексии человека нашли отражение в работах таких российских ученых и их зарубежных соавторов, как Ю.А. Поляков [5], В.Б. Жыромская [6], Л. Сигельбаум и А.К. Соколов [7, 8], И.М. Савельева и А.В. Полетаев [9], Н.Л. Пушкарева [10, 11] и другие. Исследование представляет собой образец синтеза макро- и микроисторического подходов, так как выражает через детали жизни, быта и переживаний отдельного человека историю региона, страны и, на глобальном уровне, всего мира.

Главным источником анализируемой информации, позволяющим осуществлять историческое исследование городской повседневности советского Казахстана периода

1930-х гг. являются мемуарные записи видного советского композитора Е.Г. Брусиловского. Воспоминания писались в конце 1970-х гг. уже в Москве, где прошли последние годы жизни советского композитора, аккуратным почерком черной шариковой ручкой и уместившиеся на страницах пяти больших общих тетрадей. Эти тетради были приобретены Центральным государственным архивом, тогда еще Казахской ССР в 1982 г., составив после научно-технической обработки композиционно связный текст в объеме 480 листов.

Профессиональные искусствоведы и культурологи признают значимость воспоминаний Е.Г. Брусиловского, но хотелось бы обратить внимание на эти мемуары как на важнейший и интереснейший исторический источник, погружающий исследователя в атмосферу советского государства 1920-1940-х гг., со всеми ее нюансами, сложностями, политическими, идеологическими и бытовыми, жизнеописательными подробностями. Анализ содержания воспоминаний видного советского деятеля культуры позволяет реконструировать не только основные характеристики личности самого их создателя как крупного представителя феномена советской культурной богемы, но и конкретный исторический фон, на котором проходила его жизнь и жизнь миллионов советских сограждан, условия и обстоятельства развития общественно-политической и культурной жизни в советском Казахстане, быт и повседневность жителей столицы – Алма-Аты и многих других провинциальных мест и городов республики.

Многие эпизоды из воспоминаний советского композитора поражают своей ясностью, логичностью и точностью до мельчайших деталей в воспроизведении, что позволяет предположить, что на протяжении всей своей насыщенной жизни Е.Г. Брусиловский вел записи и фиксировал важнейшие факты и события в своей жизни и жизни страны, выражал свое отношение к ним и отражал результаты своей рефлексии. Тот факт, что весь зафиксированный материал является результатом деятельности умного, одаренного, ироничного человека, одновременно склонного к саморефлексии и самоиронии, только усиливает ценность этих записей и повышает уровень доверия к ним.

Для подтверждения объективности и правильности понимания автором происходивших с ним, его коллегами и близкими, страной и миром событиями были использованы документы из фондов Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО), отражающие детали городской действительности конца 1930-х гг. с точки зрения членов партийной организации г. Риддера (Лениногорска). Используемый в работе комплекс источников позволяет объективно и непротиворечиво исследовать повседневность городов советского Казахстана в один из самых сложных, трагических и важных в истории республики и всей советской страны периодов – 1930-х гг.

Стоит отметить, что изучение повседневной городской жизни в XX в. стало одним из актуальных направлений исторической науки. В то время жилье и образ жизни людей претерпели кардинальные изменения: люди активно переселялись в города, меняли занятия и интересы, образ жизни. Так, советская повседневность стала объектом исследования многих учёных. Ш. Фицпатрик [12] была первой, кто провела комплексный анализ повседневной городской жизни 1930-х гг. К. Кайер и Э. Найман изучали повседневную жизнь в России в первые годы советской власти [13]. Н.Б. Лебина, Н.Н. Козлова, И.В. Сидорчук, Е.А. Осокина и другие внесли важный вклад в изучение социокультурного облика городского населения советского периода, общественных настроений, образа жизни на основе анализа широкого комплекса источников [14, 15, 16, 17, 18]. Казахстанские исследователи внесли и вносят свой теоретический и практический вклад в исследование повседневности. Крупнейшим научным центром изучения феномена городской повседневности стал исторический факультет Карагандинского университета имени Е.А. Букетова. В 2010 г. его сотрудники Сактаганова З.Г. и Абдрахманова К.К. опубликовали первый в таком роде научный труд [19]. В 2017 г. коллективом сотрудников исторического факультета было подготовлено и опубликовано очередное масштабное исследование повседневности городов Центрального

Казахстана [20]. В 2023 опубликована монография М.М. Козыбаевой «Повседневная жизнь городского населения Северного Казахстана в 1920-1930-е гг.» [21].

Пейзажно-архитектурные зарисовки мест пребывания во время поездок по территории Казахстана и соседних среднеазиатских республик, описания бытовых подробностей повседневной жизни, местами со всей ее неустроенностью и грязью, а местами с естественной красотой, идиллией цветов, запаха и вкуса придают особое очарование этим воспоминаниям и повышают их историческую ценность в плане воссоздания атмосферы, антуража, нравов и иных подробностей окружавшей автора действительности. Интерес историка к рассуждениям советского и казахстанского композитора об общественно-политических процессах, переживаемых казахстанским обществом эпохи голода и террора, о сущности международных отношений кануна нападения нацистской Германии на Советский Союз, к характеристикам лидеров советского государства, особенно И.В. Сталина, сделанным в эпоху «ползучей сталинизации», в современных обстоятельствах консервативного режима, установившегося в России и связанной с этим эпохи очередной международной нестабильности и переформатирования мировой системы отношений приобретает совершенно закономерный и эвристический характер, позволяя вычлнить целый ряд схожих и типологически однородных деталей, обстоятельств и явлений происходившего тогда с окружающей сейчас нас действительностью. В условиях активного развития идентичности современной казахской нации уже периода независимости с учетом постколониального дискурса крайне плодотворным выглядит анализ отношения Е.Г. Брусиловского как представителя имперской культуры к важнейшим характеристикам и элементам казахской национальной культуры и быта. При этом автор, не являясь сам представителем доминирующего в СССР русского этноса, на страницах своих записок, отдавая должное советской идентичности и официальной советской идеологии интернационализма, не раз болезненно демонстративно подчеркивал свое еврейское происхождение и постоянный интерес к этому вопросу. Имеются, таким образом, объективные условия для анализа фигуры посредника, медиатора между «национальной по форме» и «социалистической (имперской) по содержанию» культуры, одновременно выполнявшего и функции ее (культуры) активного преобразователя и реконструктора, и критика, и внешнего оценщика.

Результаты и их обсуждение

Появление будущего народного композитора КазССР в республике имело во многом вынужденный и случайный характер. Е.Г. Брусиловский принял предложение Ахмета Жубанова, бывшего студента Ленинградской консерватории, инструкторско-педагогического факультета, прибывшего по командировке Наркомпроса КАССР с тем, чтобы обратиться в Ленинградский Союз Композиторов с просьбой о творческой помощи. Не будет лишним напомнить, что Казахстан до декабря 1936 г. административно являлся автономией (КАССР) в составе РСФСР и воспринимался представителями советской, союзной культуры, которым, несомненно, являлся Е. Брусиловский, именно в качестве таковой. В дальнейшем, знакомясь с содержанием мемуаров композитора, будет крайне любопытно наблюдать, как менялось его представление о степени самостоятельности и самобытности этой южной, степной окраины бывшей царской империи.

Е. Брусиловский, отправляясь в провинциальную тогда Алма-Ату, вынужден был обменять свое «удостоверение личности» на паспорт, отмечая, что всеобщая паспортизация, начавшаяся в конце декабря 1932 г., была «вызвана необходимостью очистить большие города от социально-вредных, деклассированных людей, которым паспорт не выдавали и переселяли дальше на периферию.<...> [22. – 47]. Советские чиновники этих опасных, по их мнению людей, выселяли с центральных районов тысячами на юго-восток страны. И хотя

Алма-Ата в этот период уже имела статус столицы республики, по мнению руководства сюда все же продолжали отправлять «гопкампании».

По сути, паспортная система позволяла куда более эффективно контролировать передвижения и миграцию граждан СССР и была направлена, прежде всего, против сельского населения, лишенного этих паспортов и оказавшегося фактически прикрепленным к создаваемым колхозам и совхозам.

Дорога в Алматы из Москвы занимала тогда более пяти суток, и Казахстан для ленинградского композитора и его жены казался унылым, все вокруг было выжжено палящим августовским солнцем. «На обожженных солнцем пустынных станциях, - продолжал вспоминать Брусиловский о деталях своего перемещения в «южную дыру», - не росло ни одного деревца, не говоря уже о садике или огороде. За станцией можно было заметить две-три мазанки. Мазанки были не побелённые и низкие. Рядом – стопка кизяка. Дальше, за глиняными хибарами, уже в степи, стояли изваяниями две-три тощих верблюда. На станции бегало две невероятно худых собаки. Они алчно бросались на любые остатки, выбрасываемые из вагона. Смотреть на них было очень грустно. Состояние сонной прострации обволакивало каждую станцию и разных станций не было. Все станции были близнецами» [22. – 52].

1933 г. — это разгар голода в Казахстане, его апогей, получивший в республике ныне наименование «Ашаршылык», и картины безлюдья и нищеты отражали реальную повседневность этого страшного бедствия. На контрасте с безжизненными регионами севера и центра республики, более всего пострадавших от коллективизации, оседания и последовавшего за ними голода, описана картина процветающего юга. «Весёлые, живые станции, окруженные живописной растительностью. Не менее живописные, жизнерадостные женщины, азартно торгующие всякой снедью и фруктами. Краски, движение, гомон. Жизнь. Сердце отдыхает и радуется. Вся территория вокзала Чимкента благоухает голубым запахом жарящегося шашлыка, в Тюлькубасе продают яблоки не килограммами, а прямо ведрами, в Манкенте продают связки сушёной дыни, а в Аулие-Ата снова шашлык, пиво и блины лепешек. Сочная, южная жизнь» [22. – 53]. Две станции железной дороги в республиканской столице существовали уже и тогда – так называемая «линейная Алма-Ата» и не имевшая еще вокзала, но уже определившаяся с местом его – «Алма-Ата – II».

По наблюдению Е.Г. Брусиловского, так называемые «значительные люди» уезжали с линейной станции на машинах, чтобы не быть подвергнутыми бандитскому нападению.

Новоявленный казахстанец вспоминает, какие опасности подстерегали алматинцев. Ходить по пешеходным дорожкам было очень опасно, так как улицы плохо освещались и из-за любого дерева могли напасть бандиты, которые устраивали засады. Для безопасности все ходили по проезжей части дороги [22. – 57].

Столица республики была далеко не самым безопасным местом, причем специфика ее положения, климат и отсутствие жесткой регламентации, характерной для европейских регионов СССР, привлекали в нее самые разные преступные элементы, а кто-то вынужден был становиться на социально опасный путь преступлений, лишившись всего в результате коренной ломки жизни миллионов людей начала 1930-х гг. «В Алма-Ате свирепствовал бандитизм и хулиганство» [22. – 65]. Страшная повседневность преступлений против личности, особенно женщин, сочно передается Брусиловским в ярком эпизоде чудовищного насилия над женщиной, вынужденной в темное время суток выбежать во двор, чтобы подобрать случайно упавшие из окна документы, и буквально растерзанной за короткое время сворой хулиганов и насильников, превращенной ими в кусок мертвой кровавой плоти [22. – 66]. Люди во главе с постовым милиционером трусливо топтались возле запертой входной двери, но прийти на помощь несчастной женщине так и не решились. Брусиловский

охарактеризовал это состояние как трусость, парализующую любое желание к сопротивлению, ставшее тогда нормой для обычного советского гражданина [22. – 66].

Сам город был мало похож на столицу. Асфальтовых улиц в нем тогда не было, они появились позже, года через два после приезда сюда четы Брусиловских. «Улица представляла собой дорожку из колдобин, камней разного габарита и кочек. Ходить надо было внимательно, чтобы не споткнуться. Рядом от головного арыка текла, журча, вода Малой Алма-Атинки, по уличным арыкам, сверху-вниз. Это было основное водоснабжение города. Арычную воду пили, в арыках стирали, из арыка пили животные, арычной водой поливали сады и огороды, делая самодельные отводы воды, дети, весело брызгаясь, резвились в арычной воде» [22. – 61]. Идиллия, впрочем, быстро заканчивалась к середине дня, когда «пыль стояла в воздухе маревом» и горожане вынуждены были черпать воду из арыков и поливать ими улицу [22. – 61].

Автор воспоминаний живописует картину относительно сытой и зажиточной жизни «коренных алматинцев» в 1935 г. Надо помнить при этом, что прошло лишь чуть более двух лет с «великого голода» и вся картина сытого процветания, представленная далее их автором, выглядела пиром если не во время, то после чумы.

По словам композитора, алматинцы жили единоличниками. У каждого «приличного алматинца» (сама по себе характеристика в устах Е.Г. Брусиловского носила иронично-презрительный характер) был свой дом и двор, окружённый дувалом. Во дворе такого дома при наличии небольшого количества цветов (опять характерная деталька) главным был огород, с выращиваемой на нем овощной продукцией: картошкой, помидорами, огурцами, капустой, чесноком, арбузами. Во дворе такого дома, как правило, по проволоке гуляла собака, в конце двора, уже около заднего дувала, «застенчиво прятался скворечник, т. е. «туалет» [22. – 79].

Непременной частью внутреннего двора, по словам автора, был сарай с хозяйственной утварью и «скучающим до зимы поросенком». Под таким домом обязательно находился подвал с разносолом и «другими радостями жизни». Ставни и амбарные засовы, на которые наглухо закрывались двери, не свидетельствовали о безопасности и доверии друг к другу.

Люди, по наблюдению Е. Брусиловского, тем не менее, любили ходить в гости. Описание стола и ломившихся на нем яств, а также праздного времяпрепровождения заслуживает отдельного цитирования: «Стол изнемогал от продуктов питания. Сначала была легкая закуска – разные там салаты и винегреты, домашняя колбаска и селёdochка и, естественно, водочка простая, водочка, настоящая на том и на сём, домашний квас, засим иногда подавали борщ или суп с пельменями, а иногда просто переходили на жареную птичку типа индейки или цесарки с разнообразным гарниром, потом кушали рыбку и только тогда объявлялся перерыв до чая». Между приемами пищи активно велись беседы на разные темы, от служебных новостей и сплетен до важных международных событий. Танцевали под репертуар новых танго «Моя любовь не струйка дыма» или фокстрота «Хау ду ю д уду мистер Браун, разливавшихся из только появившихся патефонов. После танцев и разговоров опять начиналось чаепитие. «На столе уже красовался домашний жирный торт, хворост и разные виды варенья. Под чай играли в лото или немудрённые, домашние карточные игры. Потом долго прощались, все вместе выходили во двор и миновали собаку, на улицу» [22. – 79]. Однако при всей при этой зримой и вопиющей для середины 1930-х гг. картины процветания если где-то раздавался истерический крик о помощи, то люди прижимались теснее друг к другу и убыстряли шаг. Смелость и чувство взаимопомощи явно не входили в число добродетелей жителей столицы советского Казахстана. Только дома, при запертых дверях и окнах, алматинцы чувствовали себя в полной безопасности.

В годы пребывания Е. Брусиловского в Алма-Ате город, по его же наблюдениям, «процентов на 80» был русским, и только 15-20 процентов в городе занимало казахское

население. Значительная часть из этого нерусского населения были уйгуры и узбеки, сколько в городе проживало казахов и что это были за казахи, если речь шла о городе с его рамками и ограничениями? Заслуживает сомнения в этом смысле то, что композитор считал местных казахов менее соблюдавшими мусульманские традиции и веру, считая их меньше богомольцами, чем узбеков и уйгур. Это объясняется присутствием у мусульман казахов шаманских обрядов [22. – 80].

Испытывая проблемы личного характера, связанные с неверностью жены и общим несходством характеров (отношениям с супругой и характеристике других важных для автора персонажей женского пола в его воспоминаниях уделено довольно большое место, что придает им дополнительную естественность и правдоподобность), Е. Брусиловский принял решение отправить супругу обратно в Ленинград, и, проводив ее, на вокзале узнал страшную весть об убийстве С.М. Кирова. Пожалуй, именно при описании чувств, эмоций и мыслей, охвативших автора воспоминаний при получении известия об убийстве популярного в советской стране политика и партийного деятеля, лучше всего проявляются его политические представления, личные пристрастия и моральные принципы. «Жену я провожал без слёз, но тут я не смог удержаться», - яркая и трогательная характеристика испытанного шока, свидетельствовавшая о глубине горя, пережитого композитором [22. – 142].

Мысли, нахлынувшие на него, свидетельствовали как о глубине исторического мышления артиста, так и о его высоком гуманизме. Рассуждения о самой природе человека, об отличии человека от обезьяны умением убивать при помощи палки и превращении этой палки в символ человеческого могущества, именно по причине ее смертоносного характера, выглядят максимально своевременными для своего времени и не менее актуальными и для нашего дня.

Конечно, специфика данных воспоминаний как источника по истории повседневности советского Казахстана 1930-х гг. и советской истории вообще состоит в том, что они являются уже отработанным рефлексивно и литературно отражением событий прошлого, находящихся под влиянием знания о произошедших после событиях, что отличает их от дневника, ежедневно отображающего происходящие события и имеющие более высокую степень эпизодической достоверности. Но здесь мы явно имеем дело, если принимать во внимание все мельчайшие детали и нюансы, воспроизводимые автором при описании того или иного события в его жизни и в жизни современного ему общества, с осмысленной и продуманной обработкой через годы именно дневниковых записей и сохранение деталей той повседневности окружающего, наложенных на постзнания их автора, придают им не только убедительную достоверность, отражая действительности 30-х гг. прошедшего века, но и поднимают их на другой уровень восприятия и изучения - уже и истории идей и мнений и не только описываемого времени, но и времени их литературной обработки.

Горькие мысли Е. Брусиловского, явившиеся откликом на смерть С.М. Кирова, могли появиться в его голове именно в момент получения им известия о страшном событии, но факт фиксации этих воспоминаний через десятилетия указывал на чрезвычайность самого этого события и его исключительную важность для сознания автора воспоминаний. Еще тогда, когда смерть С.М. Кирова имела либо заговорщически-антисоветский, либо скандально-бытовой характер ее провластного объяснения, Е. Брусиловский прямо указывал на главного интересанта в смерти популярного ленинградского руководителя, определяя его то человеко-обезьяной с палкой в руках, то Каином, убившим Авеля, то безликим «Гегемоном». Слова советского композитора о палке в руках человека любопытно перекликаются со словами самого «Каина-гегемона» - И.В. Сталина, сказанными им во время переговоров с китайским государственным деятелем гоминдановского периода Сунь Фо: «История любит шутить, она иногда выбирает дурака, как палку, которая подгоняет исторический прогресс. Японская военщина думает, что она сможет завоевать Китай, в

действительности же она представляет собой такого дурака. Она не понимает этого, но ей придется в этом убедиться» [23. – 198]. Кем видел себя И.В. Сталин в этом процессе, можно только догадываться. Ну уж, по крайней мере, человеком, от которого зависели вопросы войны и мир во всем мире.

Зимой 1935 г. композитор вместе Казахским музыкальным театром отправился на гастроли по городам Центрального и Северного Казахстана (Петропавловск, Караганда, Акмолинск, Семипалатинск). Какими представились композитору эти города Казахстана? Отличались ли они чем-то от столицы республики? Петропавловск характеризовался Е.Брусиловским «добропорядочным, сибирским, провинциальным городом», в котором жил «трезвый трудовой народ» [22. – 148-149].

Долгое время театр работал в Караганде. Гостиницей для артистов был длинный, саманный, одноэтажный барак. Без воды и канализации. Все «удобств» во дворе, с незакрывающимися дверями. Снег уже тогда был серо-черным, видимо от угольных разработок. [22. – 149]. Однако в это же время, по словам автора воспоминаний, все директора, управляющие, заведующие, начальники, министры предпочитали жить в отдельных коттеджах. «Это были заново выстроенные, одноэтажные деревянные здания, крашенные изнутри, обычно, белой масляной краской. Кубатурой эти дома не были ограничены. Могло быть 80 кв. метров, могло быть 100 кв. метров, а почему и не 150 метров? Были просторные комнаты; одна-две спальни (себе и детям), малая и большая столовые, гостиная, кабинет хозяина, комната для гостей, детская, комната для обслуживающего персонала, просторный санузел, ванная, веранда на улицу, веранда в сад, просторная прихожая, кухня с отдельным санузлом, два входа – парадный с улицы и чёрный со двора. Некоторые делали ещё зимний сад, но это уже считалось излишеством», - не без присущего ему сарказма отмечал автор воспоминаний [22. – 150]. Однако этого было еще мало! Картина бытового процветания ответственного работника увенчивалась асфальтовой дорожкой, ведущей к дому с улицы и хорошим высоким надёжным забором с воротами в центре, которые и «являлись наглядной агитацией за социалистическое общежитие», а заодно и аргументами против «буржуазных пережитков проклятого прошлого» [22. – 150]. Жизнь совпартчиновничества уже тогда коренным образом отличалась от жизни рядового советского человека и пытливо-ироничный взгляд человека тонкой душевной организации не мог этого не отметить.

В марте того же 1935 г. Е. Брусиловский был отправлен в командировку в «сказочный город Актюбинск», подписать договор на гастроли театра в Алма-Ате. Дорога была непроста и нелегка, 32 часа до станции Арысь, откуда «молниеносно», за трое суток (!) композитор добрался, наконец, до Актюбинска. Он ярко описывал город, за вокзалом увидел Дом культуры железнодорожников, в котором работал передвижной оперный театр. У входа в здание висели яркие плакаты-афиши, приглашающие сегодня на «Кармен» и «Прекрасную Елену».

Автором таких плакатов, мимо которых без внимания никто не мог пройти, мог быть только Калмыков. Брусиловский обратил внимание на огромную лужу, разлившуюся между двумя улицами за Домом культуры железнодорожников [22. – 155]. Упоминание с легкой иронией о художнике с мировой посмертной славой С.И. Калмыкове характеризует высокие эстетические вкусы автора воспоминаний и является любопытным проявлением совмещения двух временных фокусов – из реальности 1935 г. и уже 1970-х гг., момента написания мемуаров. Трудно поверить в то, что Е. Брусиловский смог разглядеть гениальность художника в этих «красочных плакатах».

«Слева от неё виднелся одноэтажный дом с вывеской, на которой было написано; гостиница «Казах» золотыми буквами на синем фоне. Справа от лужи, на другой стороне улицы стоял двухэтажный деревянный дом и тоже с лаконичной уже, вывеской «Гостиница»

[22. – 155]. Замечательная картина советского провинциального города, имевшего, правда, свою, национальную специфику в гостинице с этнонимом в названии. Автор воспоминаний сделал выбор в пользу «интернационализма», поселившись в «Гостинице». Чемодан с суммой в 120000 был по совету директора гостиницы легкомысленно засунут под кровать, и состоялось знакомство с труппой театра «сказочного города».

По словам Брусиловского, почти вся труппа театра состояла из семейных пар, что, по его мнению, скорее играло положительную роль, цементируя труппу. «Зарплата в этом коллективе выдавалась в зависимости от погоды и члены оперной дружины ходили к нему (администратору Ланго – авт.) «за десятичкой до получки». Введенная администратором система оплаты была очень хитрой, эта сумма в одной стороны застраховывала руководство от капризов и отъезда работников театра, с другой стороны ее хватало на питание и мелкие личные траты. Деньги стояли в основе власти и воспитания, нравственности и морали [22. – 157].

В этих словах светского музыканта можно разглядеть и горькую иронию, и, одновременно, трезвый, практический взгляд на жизнь. Именно в 1930-е гг. происходил очередной «коренной перелом» в жизни советских людей, когда высокие идейные принципы и «любовная лодка», выражаясь словами поэта В.В. Маяковского, «разбивались о быт».

Сомнению композитор подвергал и высокое чувство любви, в которой ему не раз приходилось ошибиться. «Любовь – это кооперация. Односторонняя любовь – плохая кооперация, которая кончится растратой сил и чувств. Впрочем, может быть никакой кооперации нет, а существует просто торговая сделка?», – задавался почти риторическим вопросом ироничный деятель культуры [22. – 157].

Для привлечения зрителя и обеспечения хороших сборов театр «расчетливо применял все средства», и самым действенным из них были максимально раздетые певицы, исполнявшие партии главных женских героинь. [22. – 158].

Театральной труппе русских артистов из Актюбинска, благодаря миссии Е. Брусиловского, выпала честь способствовать росту казахского оперного искусства за счет осваивания опыта русской оперной сцены и 120 000 рублей, мирно пролежавших в пачках под кроватью в гостинице («сказочный город») сильно помогли реализации замысла министра культуры Казахстана Темирбека. Жургенева.

Вернувшись в Алма-Ату из северного Актюбинска, Брусиловский отправился уже на юг республики, в Мирзоян (ныне Тараз – авт.) в поисках новых талантов для развивавшегося театрально-оперного искусства столицы. О Мирзояне у автора воспоминаний не нашлось никаких слов, а вот Чимкент «оказался очень уютным казахско-узбекским городом». «Гостиница, где я жил, в конце центральной улицы, была рядом с большим красивым парком. Был ещё и второй парк, где жарили шашлык, пили пиво и угощались красными, сочными арбузами. По пути на вокзал купался в клубах мельчайшей пыли азиатский базар. Там толпы загорелых и давно не мытых людей торговали лошадьми и баранами, едой и одеждой, старыми вещами и кустарной медной посудой. Здесь же стояли цыганские кибитки и бородатые цыгане с вороватыми глазами и серьгой в ухе, вместе с невероятно живописными и грязными подругами, задавали тон на этом стихийном торжище. В городе было много цветов и талантов» [22. – 171-172].

Очень важная часть воспоминаний Е.Брусиловского посвящена Николаю Александровичу Верховскому, на тот момент главному редактору «Казахстанской правды». Несмотря на сложную материальную ситуацию у большинства населения не только Казахстана, но и других регионов страны, в Алма-Ате некоторые влиятельные люди жили в роскоши. Верховский жил по-спартански и честно, что было сразу видно по его дому. Николай Александрович, по воспоминаниям композитора, был «очень дальновзорким человеком, который говорил остро и ярко». Жесткие суждения и предсказания Верховского

сбывались. Он видел наперед многое, и сама жизнь подтверждала его жёсткие суждения. Брусиловский отмечает, что получил серьезный опыт и воспитание, которые позволили ему «смотреть на мир открытыми глазами» [22. – 182-183].

Во многом благодаря именно стараниям и трудам Н.А. Верховского, по оценкам композитора: «На фоне тусклого, потребительски-будничного, однообразного Алма-Атинского житья, ограниченного театральной повседневностью и житейскими заботами, редакция «Казахстанской правды» была тем оазисом культуры и живой человеческой мысли, где можно было погрузиться в сферу современной жизни мира, попытаться разобраться в политической и идеологической проблематике строительства социализма в нашей стране, интеллектуально приподняться над провинциальным бытом Алма-Аты» [22. – 179].

К судьбе Н.А. Верховского автор воспоминаний вернулся позже, когда этот важный в его жизни персонаж, попавший в молох сталинских репрессий, появился на пороге его квартиры. До поздней ночи старый друг рассказывал ему тогда обо всем, что с ним происходило в те страшные для него лично и страны годы. О том, что свидетелем обвинения на суде была его же жена, готовая оговорить своего мужа ради спасения единственной дочери, о жизни в лагере, о пытках и унижении человеческого достоинства. Человек, переживший все это, рассуждал Е. Брусиловский на страницах своих мемуаров, должен навсегда потерять веру и вкус к жизни, должен быть раздавленным произволом и злобной жестокостью, но Верховский устоял. Этот персонаж воспоминаний Е. Брусиловского выглядит почти идеальным рыцарем революции, пострадавшим за нее, потерявшим жену, но не отрекшимся от своих идеалов [22. – 242-243].

В этих строчках вся квинтэссенция сталинского времени периода «большого террора», начавшегося после убийства С.М. Кирова и не заканчивавшегося, по сути, вплоть до смерти Сталина: «в борьбе за абсолютную власть прольется много крови», «щепки, когда рубят лес» и «Кто может - пусть спасается». Абсолютно трезвое восприятие действительности и ясное понимание того, по чьей воле происходили эти злодеяния.

Как же описывал главногодемиурга советской действительности, ее создателя и страшного преобразователя - И.В. Сталина советский композитор? Увидеть советского вождя с близкого расстояния Е. Брусиловскому пришлось во время творческой декады казахстанских артистов в Москве, состоявшейся в мае 1936 г.

Композитор сильно и ярко описал свои чувства, испытанные им во время торжественного банкета в Георгиевском зале, когда перед исполнением запланированного музыкального номера он встретился с глазами советского лидера: «Сталин сидел в пол оборота к столу и внимательно смотрел, в этот момент, мне в глаза, одновременно уминая пальцами табак, высыпавшийся из папиросы в трубку. Я сидел тоже в пол оборота к роялю и тоже посмотрел в глаза Сталину. Этот взгляд ничего хорошего не обещал. Это был давящий, сверлящий взгляд человека злой, жестокой воли. Ничего более колющего и мрачно-властного я не встречал» [22. – 215]

Другим ярким впечатлением автора воспоминаний от того банкета было выступление известной оперной дивы сталинской эпохи М.П. Максаковой, которая потрясла публику не столько своим выступлением, сколько обнаженной спиной своего вечернего туалета: «Мне запомнилось выступление М.П. Максаковой. Она вышла на эстраду в глухом черном панбархатном платье, закрытом от шеи до небольшого шлейфа, с поясом из ярко-красного бархата. Выступала она, как обычно, с большим успехом, но, когда она повернулась спиной к публике, уходя с эстрады, эффектно сверкнула абсолютно обнаженная почти до копчика спина, необычайной белизны и интимного благородства. К. Е. Ворошилов крикнул и не мог оторвать глаз от этой спины, пока она не скрылась в проходе» [22. – 215].

Такова была двойственность сталинской действительности и повседневности. И атмосфера праздников, напоминавших все более «пир во время чумы», придавала этой двойственности трагически-гротескный характер. Сталинские «пиры Валтасара» со всеми их атрибутами роскоши, помпезности и одновременного вырождения и предчувствия внезапной и скоротечной гибели создавали особую атмосферу мнимой действительности и предвещали наступление эпохи «большого террора» и мировой войны, в которую вскоре погрузилась советская Россия со всеми ее, во многом, бутафорскими «братскими союзными республиками».

Символично и симптоматично, что, ведя разговор «о великой, исторической роли русской национальной литературы и искусства в развитии национальных культур многих народов мира», его участники – сам композитор и его друг и единомышленник Н.А. Верховский, которого «это благолепие очень раздражало», благодаря крепко сидящему в нем свободолюбивому, бунтарскому духу комсомольца двадцатых годов, которому не чужд был и сам автор воспоминаний – видели в формально союзном государстве именно историческую Россию с ее «особой ролью в определении политической и социальной судьбы мира» [22. – 216].

После успеха выступления казахстанских артистов во время «творческой декады» композитор был награжден орденом «Знак Почета» и получил возможность вернуться в Ленинград, да еще и в предоставленную ему (за заслуги) благоустроенную квартиру. Но он сделал выбор в пользу «настоящей жизни». С арыками, керосиновыми лампами, холодным, загаженным скворечником и немощными улицами в камнях и буераках. «Да. Лучше я вернусь в Алма-Ату», - размышлял композитор на страницах своих воспоминаний. «Там у меня осталось еще много незавершенных дел. И в солнечный, весенний день, снежные шапки величественных горных вершин сияют как бриллианты. И в пасмурный осенний день, мокрые улицы усеяны желтым ковром осыпавшихся березовых листьев, а воздух наполнен медовым запахом увядания» [22. – 217]. Нам кажется, что как человек с тонкой душевной организацией, при этом еще и активно интересовавшийся политикой, он предчувствовал скорое наступление страшных времен, которые безопаснее и легче было бы провести вдали от столичных центров, и выбор он делал не столько в пользу «настоящей жизни», сколько жизни вообще.

Тем более что благоустроенную квартиру он вскоре получил и в Алматы (заметим от себя, что после московского фурора он был вправе ожидать именно такой формы поощрения своих заслуг перед национальной культурой Казахстана). Дом, в который переехал удостоенный новой квартиры деятель культуры, находился в самом фешенебельном районе столицы республики, на проспекте Сталина. Это был один из немногих восьмиквартирных домов, называемых «домами специалистов», бывших в то время лучшим жилищным фондом города. Тем самым он попал в так называемые «сливки общества», к числу которых относились министры (тогда наркомы), директора республиканских управлений, профессора вузов, крупнейшие артисты, редакторы республиканских газет и т.д. «Проспект Сталина был лучшим проспектом в городе. Квартира в доме по проспекту Сталина, по Алма-Атинским понятиям, да еще в верхней части города, недалеко от Головного арыка, это лучшее, что могло быть в Алма-Ате. Кроме этого проспекта, в Алма-Ате есть еще две хороших улицы: Калинина и Фурманова. По недоразумению или по недосмотру начальства, проспект, которому присвоили имя Ленина, оказался второстепенной магистралью, узкой улицей, заселенной паршивыми домишками времен города Верного или серыми, скучными, служебными домами и постройками, что в целом, делало проспект Ленина блеклой, второразрядной улицей. Ленина, все-таки, уже не было, а Сталин, все-таки, был слишком жив» [22. – 236].

И опять мы встречаемся с уже обыденным иронично-правдивым взглядом автора воспоминаний на вещи, который позволял ему с усмешкой говорить о серьезных вещах и

видеть их самую суть. Здесь и уже привычное высмеивание разделения общества на обычных людей и на его «сливки», на зависимость отношения к человеку «в обществе» от его статуса и положения, и процветание, и благоустройство проспекта Сталина, улиц Калинина и Фурманова (воспевание гражданской войны) по сравнению с явной захудалостью проспекта Ленина.

Прежде чем въехать в долгожданную благоустроенную квартиру по проспекту Сталина, работнику культуры пришлось «партизанить» с топором ночью; рубить соседские заборы, приступки и лестницы для того, чтобы обогреть свое прежнее неблагоустроенное жилье. Никто не пытался ему помешать в «этой нахальной порубке», поскольку, по его мнению, в Алма-Ате народ жил пугливый. С наступлением темноты жители запирали ставни и ворота на амбарные засовы, и выманить их оттуда было невозможно [22. – 226]. Но являлась ли такая «пугливость» свойством лишь жителей Алма-Аты? Не весь ли народ, не все ли общество республики испытывало страх и запиралось в нем «в свои укрытия»?

Е.Брусиловский кратко, но точно характеризовал время правления Ф. Голощекина, о котором в Казахстане осталась черная слава. Не забыты были еще жестокие методы раскулачивания, оседания, приведшего к страшному голоду. Жители бежали с насиженных мест куда глаза глядят от голода и нищеты. «Кочевой народ за уши тянули в неведомый социализм, разрушая силой исторически сложившийся, многовековой образ жизни, в борьбе с байством, заодно разоряя мелкое хозяйство простых людей, вызывая брожение, суету и ужасающий разгром сельского хозяйства республики» [22. – 229-230].

Страшное время голода, террора и насилия навечно и крепко связано в памяти казахского народа с именем видного большевистского функционера-цареубийцы Ф.И. Голощекина, но о том, что он не был инициатором и верховным демиургом всей этой страшной трагедии, свидетельствовало начало в 1937 г., как об этом писал сам Е. Брусиловский, «безжалостного, систематического истребления интеллигенции», жертвой которого в итоге стали и Л. Мирзоян, и Ф. Голощекин, и сам, «официально считавшийся виновным в этом разгроме Н. Ежов» [22. – 241].

В той нервной и тревожной обстановке из семьи композитора и его ближайших приятелей образовалась дружная компания для карточной домашней игры в «девятый вал». Компания состояла из пяти супружеских пар: Мухтар Ауэзов с Валентиной Николаевной, Габит Мусрепов с Хусни, Хамза Есенжанов с Соньей, Канабек Байсеитов с Куляш и сам музыкант с супругой. Каждую субботу они собирались для игры в «девятый вал» друг у друга в доме, по очереди, видя в таком глупом и легкомысленном времяпровождении логический выход из создавшейся ситуации. «Все ждали итога шума на лестнице. К нам, или не к нам? А если не к нам, то к кому? Пронесет или не пронесет? Вот сейчас, через секунду, стук в дверь – «Откройте - Ге-Пе-У» и все. Еще пять минут на сборы, слезы, дрожь и отрешение. Навсегда в никуда» [22. – 241].

Советский композитор здесь то ли намеренно ошибался, то ли сами работники НКВД по привычке продолжали использовать прежнюю, устрашающую аббревиатуру. В 1937 г. никакие советские репрессивно-карательные структуры уже не носили наименование «ГПУ». Но страх перед этой всесильной и безжалостной структурой, которой на смену в 1934 г. пришел НКВД, был настолько велик, что именно этими буквами могли продолжать пользоваться и те, кто ожидал ареста, и те, кто приходил арестовывать.

В самый разгар ожидания страшной развязки, на пике максимального террора Е.Брусиловский принял, возможно, спасительное для него предложение, исходившее от руководителей культурного ведомства братского Узбекистана, и выехал в Ташкент, где оставался, как минимум, до марта 1940 г. И здесь опять наблюдательный глаз композитора отметил разницу в облике столиц соседних среднеазиатских республик. Ташкент встретил

композитора звонкой бурлящей восточной жизнью. Она резко отличалась от неторопливой и спокойной жизни Алма-Аты на фоне величественных гор [22. – 246].

Автор в деталях воспроизводит на страницах своих воспоминаний свидетельства и атрибуты «года процветания», года сталинского «процветания» - последнего года четвертого десятилетия XX в. и последнего же предвоенного года. «Это был год возможного, в наших условиях, изобилия. Но ни до, ни после, это изобилие не повторялось», - записывал Брусиловский. А ему, дожившему до пика брежневского «застоя», прославленному советскому композитору было с чем эту роскошь сравнить.

Нам кажется совсем не случайным, что все это во многом искусственное и витринное изобилие, недоступное для абсолютного большинства советских людей, достигло пика своего бесстыдства именно к 1940-му году. Ко времени максимального сотрудничества двух европейских тоталитарных режимов. И сам автор воспоминаний, похоже, эту связь тоже видел и ощущал. Уже имевший к моменту их написания знания о страшных преступлениях нацизма и фашизма, о многомиллионных потерях, понесенных советским народом в войне против мирового зла, о миллионах своих соплеменников, замученных в гитлеровских «комбинатах смерти» и сожженных в их печах, он с возмущением и осуждением писал о том, что на здании немецкого посольства в Ленинграде, на Исаакиевской площади, полыхал огромных размеров фашистский флаг, с огромной свастикой на нем, о том, что в то время была странная пора любви и взаимопонимания между двумя странами. «Риббентроп приезжал в Москву, пил шампанское и приятно улыбался, на разных обедах и завтраках. В «Правде», на первой странице, была помещена фотография: Молотов, в гостях у фашистов, жмет руку Гитлера» [22. – 264].

Последующее изложение событий, приведшее к страшной мировой войне, свидетельствует о том, что советский композитор был прекрасно знаком с имевшими тогда хождение в кругах советской интеллигенции историческими концепциями причин самой войны, причин ее страшного и драматического начального периода, а также понимания характера и итогов войны с ее настоящими виновниками, героями и победителями [22. – 264].

Между тем на другом конце советского Казахстана, в малом городе Риддер (переименованном в феврале 1941 г. в Лениногорск) на закрытом партсобрании Риддерского Рудоуправления, состоявшемся 15 ноября 1940 г. с участием его директора и будущего партийного руководителя в 1960-1962 гг. и в 1964 -1986 гг. всего советского Казахстана Д.А. Кунаева, в повестке дня стоял вопрос об «Обсуждении постановления горкома КП(б) К о состоянии торговли в городе Риддер и борьбе со спекуляцией».

В выступлении товарища Забурмата подчеркивалось, что «...существующая система торговли <...> совершенно не соответствует советской торговле, что за последнее время усилился широкий блат, который грубо нарушает советскую торговлю» [24. – 84]. Товарищ Забурмат, похоже сильно ошибался насчет «нарушения системы советской торговли». То, что ему виделось нарушением (блат – авт.), на самом деле и было сутью этой системы. Далее он в своем выступлении сам обращал внимание на то, что «...блат изжить в Риддере очень трудно, потому что работники Горкома партии, НКВД, прокуратура, милиция замазаны в этом деле» [24. – 84].

Другим ярким свидетельством неравенства в положении совпартработников и рядовых граждан, по словам все того же выступавшего, было то, что установленные нормы на хлеб не удовлетворяли потребностей и если рабочий имел семью из 3 или 5 человек, то им приходилось стоять по 2-3 раза в очереди для того, чтобы удовлетворить потребность». Возможно, не без влияния молодого, но уже опытного производственника-хозяйственника, которым к тому времени являлся 28-летний Д.А. Кунаев, партийное собрание Риддерского Рудоуправления приняло постановление, в котором рекомендовалось ОРСу (отдел рабочего снабжения – авт.) 1. Выдавать заборные книжки – отдельно продуктовые и промтоварные с

тем, чтобы промтоварные книжки имели более длительный срок действия, что давало возможность трудящимся полностью выбирать свою норму; 2. <...> 3. Поставить вопрос перед горкомом о прекращении отпуска пром и продтоваров отдельным работникам и организациям через склад и закрытым порядком, т.к. это противоречит принципам советской торговли; 4.<...>; 5. Очередь за хлебом и другими продтоварами установилась как система. Просить Горком КП(б) К предложить ОРСу заняться ликвидацией очередей» [25. – 85-86].

1940 год, год «просперити», как его охарактеризовал в своих мемуарах Е.Г. Брусиловский, оказался последним перед Великой Отечественной войной всего советского народа, но и он начинался немирно, под канонаду шедшей с ноября 1939 г. «зимней», советско-финской войны, неожиданно кровавой и беспощадной для обеих сторон. Начавшаяся для Советского Союза как ответ на «провокации белофиннов», война обернулась многими жертвами для РККА, подорвала ее престиж и после исключения СССР из Лиги Наций привела его в состояние международной изоляции, когда фашистские государства Европы оказались для него чуть ли не единственными внешнеполитическими партнерами. Вынужденное заключить мир с Финляндией уже в марте 1940 г., советское партийное руководство трактовало итоги войны как свою победу [26. – Л. 43]. Пройдет всего лишь менее двух лет, и Ленинград - колыбель российской революции окажется в тисках 900-дневной блокады, и во многом в результате той короткой, но жестокой войны с Финляндией.

Заключение

Десятилетие 1930-х гг. оказалось одним из самых страшных и кровавых в истории советского союзного государства и в истории советского Казахстана как неотъемлемой его части, начавшись с масштабнейшего в истории советских народов бедствия коллективизации, принесенного им по воле кремлевских правителей, с ее насильственным и принудительным характером, репрессиями, высылками, расстрелами и, как итог, жутким голодом библейского масштаба, через «большой террор» 1937-1938 гг. к преддверию самой страшной и разрушительной войны в истории советского государства. Благодаря цепкой памяти Е.Г. Брусиловского, его аналитическим способностям, тонкой и ироничной натуре творческого работника и, по всей видимости, регулярной фиксации всего происходившего с ним в Казахстане и за его пределами, мы имеем возможность через яркую, живую и правдивую картину повседневности городов Казахстана, оставленную им в своих воспоминаниях, восстановить важнейший отрезок истории республики и ее народа. Воспоминания Е.Г. Брусиловского являют собой замечательный пример исторического источника субъективного, личностного происхождения, который, помимо отражения реальной действительности во всей ее повседневной обыденности, содержит в себе и присущие такому роду источников специфические черты, отражающие качества личности, черты характера, пристрастия и интересы самого автора, позволяющие судить уже не столько о нем, сколько об описываемых событиях, явлениях, процессах и самой советской эпохе, активным свидетелем и творцом которой являлся и он сам.

Информация о финансировании

Данное исследование финансируется Комитетом науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ГФ № АР19678056).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; Хранитель. – 2007. – 413 с.
- 2 Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга (Серия «Au Pura. Французская коллекция»). – 2004. – 416 с.

- 3 Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. (в 3-х т.). Т. 3: Время мира. – М.: Прогресс. – 1992. – 680 с.
- 4 Людке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. Москва : РОССПЭН, 2010. 268 с.
- 5 Поляков Ю.А. Человек в повседневности. (Исторические аспекты) // Труды Института российской истории РАН. 1999-2000. М.: ИРИ РАН. – 2002. – С. 290-322.
- 6 Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке.- М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России. – 2012. – 320 с.
- 7 Siegelbaum L., Sokolov A. K., Kosheleva L., Zhuravlev S. Stalinism as a way of life: a narrative in documents. New Haven, CT: Yale University Press Collection. – 2000. – 733 p.
- 8 Siegelbaum L. Soviet state and society between revolutions, 1918-1929. Cambridge [England]; New York, NY, USA: Cambridge University Press. – 1992. – 284 p.
- 9 Савельева И. М., Полетаев А.М. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение. – 2008. – 454 с.
- 10 Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М.: Ладомир. – 1997. – 381 с.
- 11 Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – №5. – С. 3-19
- 12 Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Росспэн: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2008. – 332 с.
- 13 Kiaer K., Naiman E. Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside. Indiana University Press, – 2006. – 310 p.
- 14 Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. "Нева": Издат.-торговый дом "Летний сад": Kikimora. – 1999. – 317 с.
- 15 Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю, М.: Новое Литературное Обозрение. – 2023. – 482.
- 16 Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН. – 1996. – 216 с.
- 17 Сидорчук И. В. Досуг городского населения России в 1918—1935 гг. Санкт-Петербург: Политех-Пресс, – 2022. – 608 с.
- 18 Осокина Е. А. За фасадом "сталинского изобилия" Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М.: РОССПЭН. – 1999. – 267 с.
- 19 Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945-1953 гг. Караганды: Болашак-Баспа. – 2010. – 252 с.
- 20 Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К., Досова Б.А., Козина В.В., Елеуханова С.В., Карсыбаева Ж. А., Утебаева А.Д. История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946- 1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории) Караганда: «Гласир». – 2017. – 456 с.
- 21 Козыбаева, 2023 - Козыбаева М.М. история повседневности городского населения Северного Казахстана в 20-30-х гг. XX века. Алматы: Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова. – 2023. – 232 с.
- 22 Брусиловский Е.Г. Воспоминания с комментариями и иллюстрациями. Алматы: Центр современной культуры «Целинный». – 2023. – 320 с.
- 23 Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937-1945гг. Кн. 1: 1937-1944гг. М., Памятники исторической мысли. – 2000. – 870 с.
- 24 Государственный архив Восточно-Казахстанской области. – Ф. 2102-П. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 84
- 25 Государственный архив Восточно-Казахстанской области. – Ф. 2102-П. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 85-86
- 26 Государственный архив Восточно-Казахстанской области. – Ф. 2102-П. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 43

1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ КЕҢЕСТІК КОМПОЗИТОР Г.Е. БРУСИЛОВСКИЙ КӨЗІМЕН

Андатпа

Мақала авторлары Қазақ Кеңестік автономиясының (1930 жылдар) тарихындағы маңызды кезеңдегі Қазақстандағы қала өмірінің күнделікті өмірін қарастырады. Зерттеудің мақсаты – Е.Г.Брусиловскийдың естеліктерінің маңыздылығын анықтау және 1930 жылдардағы Кеңестік Қазақстандағы күнделікті өмір тарихының дереккөзі ретінде Қазақстанның әртүрлі аймақтарындағы және әртүрлі тарихи жағдайлардағы қала өмірінің күнделікті өмірін зерттеу. 1930 жылдардағы саяси жағдайға қызығушылықпен назар аударар білген Қазақстан Республикасының мәдениеті мен өнерінің ірі қайраткері, кеңестік дәуірдегі қазақ композиторы және суретшісі Е.Г. Брусиловскийдың естеліктері осы кездің сипаттамасын жасауға және шындықты жаңғыртуға ғылыми негіздеме бола алды. Сонымен қатар, композитордың естеліктері республика

қалалары мен оның тұрғындарының қарапайым, күнделікті өмірінің көптеген аспектілерінен жан-жақты ақпарат береді. Авторлар М.Фуконың генеалогиялық әдісіне сүйеніп, арнайы тарихи әдістерді пайдаланды: салыстырмалы талдау, тарихи-типологиялық, проблемалық-хронологиялық, тарихи-жүйелік. Қала тұрғындарының да, ауыл тұрғындарының да күнделікті процестерін зерттеуге маңызды үлес қосқан американдық, еуропалық және ресейлік тарихшылардың еңбектеріне тарихнамалық талдау жасаудың маңызды тұжырымдамалық мәні болды. Зерттеу нысанын зерделеу кезінде Ф.Браудель мен А.Людткенің күнделікті тарихқа арналған жалпы теориялық еңбектері ерекше рөл атқарды. Адамның тәжірибесі мен рефлексиясы арқылы қоғамды және қоғамдағы адамды зерттеудің әдістемелік тәсілдері орыс ғалымдарының еңбектерінде көрініс тапқан. Алынған ғылыми нәтижелер Е.Г.Брусиловскийдің естеліктерінің дереккөз ретінде сапасы мен маңыздылығын анықтауға мүмкіндік берді, сонымен қатар 1930 жылдардағы Қазақстанның қалалық тұрмысы туралы жаңа материалдар ғылыми айналымға енгізілді.

Негізгі сөздер: КСРО, Қазақстан, Алма-Ата, Е.Г. Брусиловский, мәдениет және өнер, қалалық күнделікті өмір, И.В. Сталин.

EVERYDAY LIFE IN KAZAKHSTAN IN THE 1930S THROUGH THE EYES OF THE SOVIET COMPOSER E.G. BRUSILOVSKY

Abstract

The period of the 1930s was one of the most controversial, complex and tragic in the history of the Soviet state. The article examines the everyday life of Soviet Kazakhstan during this pivotal and dramatic period of history. The purpose of the article is to determine the quality of the memoirs of E.G. Brusilovsky as a source on the history of everyday life in Soviet Kazakhstan of the 1930s. The source for recreating the reality of the 1930s and analysing it was the memoirs of the Soviet, Kazakhstani composer and artist E.G. Brusilovsky [Brusilovsky, 2023]. The memoirs of E.G. Brusilovsky have not previously been utilised as a source for the history of everyday life in the 1930s. However, their author was a significant figure in the culture and art of the republic. The article employed the genealogical method of M. Foucault and specialised historical methods, including comparative analysis, historical-typological analysis, problem-chronological analysis, and historical-systematic analysis. The historiographic analysis of the works of American, European and Russian historians who made an essential contribution to the study of the everyday processes of both urban and rural residents was of great conceptual importance. When studying the object of research, general theoretical works on the everyday history of F. Brodel and A. Ludtke played a special role. Methodological approaches to the study of man in society and society through human experiences and reflection are reflected in the works of such Russians. The results of the work allowed not only to determine the significance of the memoirs of E.G. Brusilovsky as a scholarly source, but also to conduct an analysis of all the socio-political and economic activities of the Soviet government in that period.

Keywords: USSR, Soviet Kazakhstan, Alma-Ata, E.G. Brusilovsky, culture and art, urban everyday life, I.V. Stalin.

REFERENCES

- 1 Fejerabend P. Protiv metoda. Ocherk anarhistskoj teorii poznaniya [Material Civilization, Economy and Capitalism, XV-XVIII Centuries. (in 3 vols.).] / Per. s angl. A. L. Nikiforova. M.: AST; Hranitel'. – 2007. – 413 p. [in Russian]
- 2 Fuko M. Arheologiya znaniya. [Archaeology of knowledge] SPb.: IC «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga (Seriya «Au Pura. Francuzskaya kollekcija»). – 2004. – 416 p. [in Russian]
- 3 Brodel F. Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, [Material Civilization, Economy and Capitalism] XV-XVIII vv. (v 3-h t.). T. 3: Vremya mira. – M.: Progress. – 1992. – 680 p. [in Russian]
- 4 Lyudtke A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti. [History of Everyday Life in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War and Power] Moskva: ROSSPEN, 2010. 268 p. [in Russian]
- 5 Polyakov YU.A. Chelovek v povsednevnosti. (Istoricheskie aspekty) [Man in Everyday Life. (Historical Aspects)] // Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN. 1999-2000. M.: IRI RAN. – 2002. – S. 290-322. [in Russian]
- 6 Zhiromskaya V.B. Osnovnye tendencii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke. [Main trends of demographic development of Russia in the 20th century] M.: Kuchkovo pole; Soyuz semej voennosluzhashchih Rossii. – 2012. – 320 s. [in Russian]
- 7 Siegelbaum L., Sokolov A. K., Kosheleva L., Zhuravlev S. Stalinism as a way of life: a narrative in documents. New Haven, CT: Yale University Press Collection. – 2000. – 733 p. [in English]
- 8 Siegelbaum L. Soviet state and society between revolutions, 1918-1929. Cambridge [England]; New York, NY, USA: Cambridge University Press. – 1992. – 284 p. [in English]

- 9 Savel'eva I. M., Poletaev A.M. Social'nye predstavleniya o proshlom, ili znayut li amerikancy istoriyu. [*Social ideas about the past, or do Americans know history*] M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 2008. – 454 s. [in Russian]
- 10 Pushkaryova N. L. Chastnaya zhizn' zhenshchiny v doindustrial'noj Rossii. X — nachalo XIX v. Nevesta, zhena, lyubovnica. [*Private Life of Women in Pre-Industrial Russia. 10th - early 19th century*] M.: Ladomir. – 1997. – 381 s. [in Russian]
- 11 Pushkareva N.L. Predmet i metody izucheniya «istorii povsednevnosti» [*Subject and Methods of Studying the «History of Everyday Life»*] // Etnograficheskoe obozrenie. – 2004. – №5. – S. 3-19 [in Russian]
- 12 Ficpatrik SH. Povsednevnyy stalinizm: social'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod. [*Everyday Stalinism: a social history of Soviet Russia in the 1930s: the city*] M.: Rosspen: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina. – 2008. – 332 s. [in Russian]
- 13 Kiaer K., Naiman E. Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside. [*Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside*] Indiana University Press, – 2006. – 310 p. [in Russian]
- 14 Lebina N. B. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii. 1920–1930 gody. [*Everyday Life of a Soviet City: Norms and Anomalies. 1920-1930s.*] SPb.: Zhurn. "Neva": Izdat.torgovyj dom "Letnij sad": Kikimora. – 1999. – 317 s. [in Russian]
- 15 Lebina N.B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii: ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilu, [*Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies: From War Communism to the Grand Style*] M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie. – 2023. – 482. [in Russian]
- 16 Kozlova H. H. Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epohi: golosa iz hora. [*Horizons of everyday life of the Soviet era: voices from the choir*] M.: In-t filosofii RAN. –1996. – 216 s. [in Russian]
- 17 Sidorchuk I. V. Dosug gorodskogo naseleniya Rossii v 1918-1935 gg. [*Leisure time of the urban population of Russia in 1918-1935*] Sankt-Peterburg: Politekh-Press, –2022. – 608 s. [in Russian]
- 18 Osokina E. A. Za fasadom "stalinskogo izobil'ia" Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii, 1927-1941. [*Behind the Facade of "Stalin's Abundance": Distribution and Market in Population Supply during Industrialization, 1927-1941*] M.: ROSSPEN. – 1999. – 267 s. [in Russian]
- 19 Saktaganova Z.G., Abdrahmanova K.K. Povsednevnyaya zhizn' gorodov Central'nogo Kazakhstana v 1945-1953 gg. [*Everyday life in the cities of Central Kazakhstan in 1945-1953*] Karagandy: Bolashak-Baspa. – 2010. – 252 s. [in Russian]
- 20 Saktaganova Z.G., Abdrahmanova K.K., Dosova B.A., Kozina V.V., Eleuhanova S.V., Karsybaeva ZH.A., Utebaeva A.D. Istoriya gorodskoy povsednevnosti Central'nogo Kazakhstana v 1946- 1991 gody (s syuzhetami demograficheskoy i social'noj istorii). [*History of everyday life in Central Kazakhstan in 1946-1991 (with demographic and social history)*] Karaganda: «Glasir». – 2017. – 456 s. [in Russian]
- 21 Kozybaeva M.M. Istoriya povsednevnosti gorodskogo naseleniya Severnogo Kazakhstana v 1920-1930 gg. [*History of Everyday Life of the Urban Population of Northern Kazakhstan in the 1920s-1930 s.*] Almaty: Institut istorii i etnologii imeni CH.CH. Valihanova. – 2023. – 232 s. [in Russian]
- 22 Brusilovsky E.G. Vospominaniya s kommentariyami i illyustratsiyami. [*Memories with comments and illustrations*] Almaty: Center for Contemporary Culture «Tselinny», 2023. 320 p. [in Russian].
- 23 Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. [*Russian-Chinese Relations in the 20th Century.*] T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1937-1945gg. Kn. 1: 1937-1944gg. M., Pamyatniki istoricheskoy mysli. – 2000. – 870 p. [in Russian].
- 24 Gosudarstvennyy arhiv Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti. [*State Archives of the East Kazakhstan Region*] – F. 2102-P. – Op. 1. – D. 147. – P. 84 [in Russian].
- 25 Gosudarstvennyy arhiv Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti. [*State Archives of the East Kazakhstan Region*] – F. 2102-P. – Op. 1. – D. 147. – P. 85-86 [in Russian].
- 26 Gosudarstvennyy arhiv Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti. [*State Archives of the East Kazakhstan Region*] – F. 2102-P. – Op. 1. – D. 147. – P. 43 [in Russian].

Information about authors:

Konstantin Cherepanov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of Committee of Science of the Ministry of Science and higher education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

E-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0736-9383>

Altyn Ualtayeva – **corresponding author**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology of Committee of Science of the Ministry of Science and higher education of the Republic of Kazakhstan, Head of the Center of the Science, Almaty, Republic of Kazakhstan

E-mail: altyn.lazzat@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-352X>

Aida Margulan – doctoral student at Al-Farabi Kazakh National University of the Ministry of Science and higher education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

E-mail: aida.1@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1260-6099>

Nazira Duisembayeva – Master of Historical Sciences, Head of the Museum of the History of Kazakhstan Science, RSE «Gylym Ordasy» Almaty, Republic of Kazakhstan

E-mail: bakirovna@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6079-969X>

Информация об авторах:

Константин Черепанов – кандидат исторических наук, доцент Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

E-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0736-9383>

Алтын Уалтаева – **основной автор**, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, руководитель центра, Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан,

E-mail: altyn.lazzat@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-352X>

Аида Маргулан – докторант исторического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

E-mail: aida.1@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1260-6099>

Назира Дуйсембаева – магистр истории, заведующая музеем истории казахстанской науки, РГП "Ғылым Ордасы", Алматы, Республика Казахстан,

E-mail: bakirovna@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6079-969X>

Авторлар туралы ақпарат:

Константин Черепанов - тарих ғылымдарының кандидаты, тарих және этнология институтының доценті. Ш. Ш. Уәлиханов, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: k.v.cherepanov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0736-9383>

Алтын Уалтаева – **негізгі автор**, тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институтының қауымдастырылған профессоры, Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің орталық басшысы, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: altyn.lazzat@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-352X>

Аида Маргулан - Әл -Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университеттің тарих мамандығы бойынша PhD докторанты, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: aida.1@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1260-6099>

Назира Дуйсембаева - тарих ғылымының магистрі, Қазақстан ғылымы тарихы музейінің меңгерушісі, "Ғылым Ордасы" РМҚ, Алматы қ., Қазақстан Республикасы,

E-mail: bakirovna@bk.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6079-969X>